

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИЗ АРХИВА ЛЕВОНА МКРТЧЯНА*

О работе Л. Мкртчяна над книжкой
«Анна Ахматова. Жизнь и переводы»

КАРИНЭ СААКЯНЦ

Среди архивных материалов Левона Мкртчяна есть отдельная толстая папка, на которой выведено: «Работа над Ахматовой». Хотя здесь собрано множество документов, газетных вырезок, писем, открыток с изображением Поэта, разговор о содержимом этой папки надо бы, наверное, начать со следующей выписки из протокола производственного совещания редакции «Библиотеки поэта» от 25 ноября 1988 года:

«ПРИСУТСТВОВАЛИ: Члены редколлегии: Ю.А.Андреев, М.А.Дудин и Л.Мкртчян, а также В.С.Киселев, Д.М.Климова, Л.С.Гейро, Е.Д.Никитина, С.М.Глекель. Председатель Андреев. Вела протокол Никитина.СЛУШАЛИ: О структуре двухтомника А.Ахматовой. ПОСТАНОВИЛИ: Первый том – оригинальные произведения поэтессы, второй – ее лучшие переводы. Просить Л.Мкртчяна стать составителем второго тома при участии Э.Песоцкого».

В конце 1988 года никто из принимавших участие в производственном совещании редколлегии «Библиотеки поэта», в том числе и Л.Мкртчян, не мог предположить, что намерению издать ахматовский двухтомник не суждено было сбыться. Тогда невозможно было представить и то, что спустя несколько лет вместо тома переводов Ахматовой, изданного многотысячным тиражом в Ленинграде, в одном из самых престижных издательств Советского Союза, на свет появится небольшая книжка Л. Мкртчяна «Анна Ахматова. Жизнь и переводы», изданная в пригороде Еревана, в Егварде, тиражом в 115 экземпляров. В предисловии к книжке (оно называется «Как была написана и издана эта книжка») Мкртчян писал: «К столетию Анны Ахматовой предполагалось издать в Большой серии «Библиотеки поэта» ее двухтомник — том ее оригинальной поэзии и том переводов. В примечаниях к ранее изданному здесь же, в

* О Л. М. Мкртчяне (1933-2001) и его архиве см. в «Вестнике Ереванского университета. Русская филология», 1915, №1, с. 16. См. также в трех номерах «Русской филологии» за 1915 г. под общим заголовком «Из архива Левона Мкртчяна», с подзаголовками, следующие статьи К.Саакянц: «Письма к М.С.Петровых» (№ 1, с.16-31), «Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» (№ 2, с. 23-37), «Письма Наума Гребнева Л.Мкртчяну» (№ 3, с. 28-52). Публикации этого ряда, ценные для освещения армяно-русских литературных связей второй половины XX века, будут продолжены в журнале по мере изучения архива.

«Библиотеке поэта», однотомнику Ахматовой В.М.Жирмунский оговаривал: «Ее корейские, китайские, египетские стихи, переводы из сербского народного эпоса, из Леопарди и некоторые другие получили широкое признание и отмечены печатью ее индивидуального поэтического дарования. Тем не менее включение их в настоящий сборник представлялось нецелесообразным: они создавали бы неправильное впечатление о том, что переводная поэзия у Ахматовой, как у Жуковского, численно преобладает. Их соби́рание и изучение представляет особую задачу».

Известно, что и сама Ахматова просила не публиковать переводов в книгах ее оригинальных стихотворений. Поэтому, собственно, и было решено составить из переводов отдельный том. Мне было предложено написать вступительную статью. Статью я написал и даже начал работать с редактором издательства Л.С.Гейро. Но двухтомник из-за общего упадка издательского дела не состоялся. Я решил издать свою работу сам - оформление, набор на компьютере, печатание тиража на ксероксе... Тираж 100 экземпляров (так в тексте – К.С.).

Самиздат возник в свое время из-за политического и цензурного гнета. Теперь, видимо, рождается другой самиздат. Нет теперь цензуры, нет запретов, но негде печататься. Печатают то, что приносит издателям немалые доходы. А литература, культура вообще — дело неприбыльное, убыточное, хотя раньше, до перестройки и революции, я издавал свои книги и что-то зарабатывал. А теперь самому приходится приплачивать и, приплачивая, вспоминать одного из помпадуров М.Е.Салтыкова-Щедрина, героя, можно сказать, положительного.

«— Грустно! — размышлял Помпадур. — И зачем это люди делают революции — не постигаю! не лучше ли жить смиренно, аккуратно и быть счастливыми... без революций!».

Выходит, однако, что и без революций мы жить не можем. Как-то очень уж скучно и безыдейно получается, а с годами образуется застой с частыми и обильными застольями <...>

Упомянутый Помпадур (Салтыков—Щедрин называл его единственным в своем роде) считал, что повесть о похождениях Робинзона Крузо надо «в настоящее время у себя на столе бессменно держать», так как теперь много «есть в нашем отечестве городов, где ни хлеба испечь не умеют, ни супу сварить не из чего. А ежели кто эту книгу основательно знает, то сам все сие и испечет, и сварит...». Вот и я решил сам «испечь» и «сварить». А что из этого вышло, судить не мне <...> 5 июня 1992 г.»

В своем предисловии Мкртчян не рассказывает о том, в каких условиях он «варил» и «пек» то, о чем предлагает судить читателю. «Я решил издать свою работу сам - оформление, набор на компьютере, печатание тиража на ксероксе...» - говорит он. И не уточняет, что по всей Армении электричество тогда подавали на пару часов в сутки, и чтобы набрать на

компьютере, – а это была едва ли не самая первая модель машины, называвшейся «Роботрон» – 90 страниц текста, понадобился не один месяц. Примерно столько же времени ушло на подготовку иллюстрированных страниц. Поистине это была ювелирная работа. Ксерокопируя иллюстрации, отобранные им для оформления, он наклеивал их на отдельные листы, затем построчно разрезал набранный текст, расклеивал его рядом или вокруг картинки, после чего аккуратно закрашивал все швы белым штрихом и ксерокопировал подготовленный макет. Если учесть, что книга богато иллюстрирована, легко представить, какие усилия были затрачены на то, чтобы во мраке (в самом прямом смысле) начала 90-х она появилась на свет. Отдельного разговора заслуживает суперобложка, на фронтальной части которой помещен рисунок друга Мкртчяна, художника Генриха Сиравяна, изображение дерева, а сзади – портрет Ахматовой работы Юрия Анненкова. В домашних условиях невозможно было осуществить два процесса: прошивку сверстанной книжки и ее обрезку. Для этого сверстанное было перевезено в типографию (которую, как и всю Армению, не сильно баловали подачей электричества), где страницы были прошиты мастерами и где, дождавшись заветного часа подачи электричества, другие мастера могли включить станок и произвести обрезку. Но вернемся к папке с надписью «Работа над Ахматовой».

В написанном на бланке редакции письме (по ряду вопросов) от 8 декабря 1988 года редактор издания Людмила Семеновна Гейро пишет в частности:

«Дорогой Левон Мкртычевич!

Посылаю Вам, как и договорились, три папки переводов Ахматовой для размышлений. Будут, вероятно, еще дополнения, поскольку составитель представил только стихотворения, а крупные вещи (о них не могло быть и речи при наличии одного тома) не предлагал. «Составитель» говорю условно, т.к. труд по составлению тома редакция надеется возложить на Вас, а вот подготовку текста будет производить тот самый энтузиаст, Э.В.Песоцкий, который и собрал все эти материалы. Он же представит источники публикации данных переводов. М.А.Дудин получил согласие Л.Н.Гумилева на том переводов, так что этот вопрос можно считать решенным.

Соответствующий договор (на вступительную статью и составление тома) мы оформим с Вами после того, как Вы определите объем тома. Сделав отбор, напишите, пожалуйста, в редакцию (на имя Ю.А.Андреева) заявку».

Это письмо, написанное на следующий день после катастрофического землетрясения в Армении, адресату было отправлено только через месяц, а вместо него 14 декабря (дата по штемпелю) было послано другое: «Дорогой Левон Мкртычевич! Слов, которые можно произносить, не боясь причинить

лишней боли, не нахожу. Примите наши семейные соболезнования, дорогой друг. Может быть...когда-нибудь ...горе ...притупится ... Мы, как можем, делим его с Вами. От имени всей семьи нашей Людмила Гейро».

Здесь же открытка от директора «Библиотеки» Юрия Андреева: «20.12.88. Дорогой Левон! С болью и тревогой ждем вести от тебя. От души поздравляю тебя с наступающим Новым годом и желаю, чтобы и в твоей жизни, и в жизни каждого из нас, и в судьбе всего нашего народа он был спокойней и счастливей, чем год уходящий! Твой Юрий Андреев. Все деловые бумаги вышлем тебе, когда ты сочтешь это возможным».

Вопреки своему обыкновению не откладывая реализацию своих идей и планов, к работе над предисловием к предполагаемой книге Мкртчян приступил не сразу: в ситуации, когда пол-Армении лежало в руинах, трудно было отвлечься от реальности и погрузиться в творческий процесс, но тем не менее Мкртчян постепенно стал входить в работу. И уже в середине января 1989 г. он получает письмо на издательском бланке, датированное 10 января 1988 г.

«Дорогой Левон Мкртычевич!

Рады были получить Ваше письмо-отклик и мы надеемся, что жизнь постепенно будет налаживаться. Как один из симптомов будущего примите материалы для Вашей работы, заготовленные давно, но отправляемые мною только сейчас по понятным нам всем причинам.

За это время прибавилась еще одна папка Ахматовой – по материалам Рукописного отдела ГПБ¹. Посылаю ее Вам с другими материалами.

Посылаю и Севака².

Левон Мкртычевич! Продолжаю уже после нашего телефонного разговора. Мы обо всем договорились, подстрочники вышлю в ближайшее время.

Всего Вам доброго! Примите самую искреннюю благодарность за помощь.

С наилучшими пожеланиями Л.С.Гейро».

В отдельном конверте в папке сохранены четыре уведомления о вручении заказных бандеролей адресату, они датированы 17 января 1989 г. То есть, 17 января 1989 г. Мкртчян приступает к работе, начав ее со знакомства с присланными материалами. Их подготовил Эрнест Викторович Песоцкий. Однако очень скоро Мкртчян отложил эту работу, переключившись на подготовку к изданию своей книги «Дом с открытыми окнами». В апреле 1989 года книга была сдана в производство. В предисловии-посвящении Мкртчян

¹ Государственная Публичная библиотека.

² В планы «БП» входило и издание тома Паруйра Севака. Один из пунктов (9) упомянутого протокола от 25 ноября 1988 года гласит: СЛУШАЛИ: 0 соотношении БС и МС (Большой Серии и Малой Серии. – К.С.) в разделах грузинской и армянской литературы, ПОСТАНОВИЛИ: Добавить еще 2 тома МС для Армении.

писал: «...Я посвящаю эту книгу памяти погибших в Армении югославских летчиков <...> когда в черном для нас 1988 году чудовищное землетрясение повергло Армению в ужас (десятки тысяч жертв и около полумиллиона людей, оставшихся без крова), югославские летчики, как и посланцы многих, многих стран мира, поспешили к нам на помощь. Подлетая к Еревану, югославский военно-транспортный самолет разбился. Погибли семь отважных воинов. <...> Смерть добрых сердцем югославских летчиков Армения оплакала как смерть своих собственных сынов. Ушли из жизни люди, спешившие сделать добро. <...> Семь югославских летчиков оставили свои имена в армянских горах, в армянских сердцах...».

Как гражданину, как равнодушному и благодарному человеку Мкртчяну важно было отреагировать на эту трагедию. Но и после сдачи книги в производство работать в полную силу было нелегко: землетрясением завершался, по слову Мкртчяна, «черный для нас» 1988 год, а начинался он с Карабахского движения, с последовавшим за мирными митингами армян Карабаха и Армении Сумгаитом, после которого Армения вступила в совершенно иную реальность... Мкртчян не мог быть безучастным ко всему происходившему. Не мог человек, работавший над творчеством автора слов «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был...», не быть погруженным во все происходящее, а это требовало существенного эмоционального и психологического напряжения. Кроме того, Мкртчян не был пассивным созерцателем, просто переживающим за судьбу страны и народа. Свою позицию он выражает в занявших прочное место в его творчестве публицистических статьях. И вместе с тем, он не мог изменить себе, не мог отказаться от темы, которая так его увлекала. Тем более, что в мае 1989 года он получает письмо от Э.В.Песоцкого:

«Уважаемый Левон Мкртычевич!

Только на днях получил Ваш адрес от Л.С.Гейро. Гораздо раньше, как она мне говорила, Вам были отосланы 4 моих папки с переводами А.А.Ахматовой.

Первая задача, которая была редакцией передо мной поставлена, - это выборка переводов из рукописного фонда А.А.Ахматовой в ГПБ, что я и проделал.

Дальнейшей моей задачей является научный комментарий. Для этого мне необходимо знать, каков по Вашему мнению, должен быть состав книги переводов. Без этого я не могу приступить к работе.

Если это впишется в объем книги, то можно было бы включить в нее перевод трагедии В.Гюго «Марьон Делорм», о работе А.А.Ахматовой над которым так тепло отозвался М.Л.Лозинский.

Между прочим, в архиве А.А.Ахматовой (среди писем к ней) встретил и Ваше письмо.

С уважением Песоцкий Эрнест Викторович. 25 мая 1989 г. <...>».

В ответ Мкртчян пишет:

«Егвард, 7 июня 1989 г.

Дорогой Эрнест Викторович!

Хорошо, что Вы мне написали. Нам надо о многом договориться. Конечно, не все присланные Вами переводы войдут во второй том А.А.Ахматовой, хотя весь том будет посвящен переводам.

Вы пишете, что, не зная состава книги, не можете приступить к работе по составлению примечаний. Я считаю, что переводы, когда-либо подписанные А.А.Ахматовой, но не вошедшие в наш с Вами том, тоже нуждаются в примечаниях. Коль скоро Вы собрали все (или почти все) переводы А.А.Ахматовой, то это надо отразить в примечаниях. Пишите примечания ко всем переводам. О переводах, не вошедших в книгу, надо будет сказать (сообщить необходимые сведения) либо в начале примечаний, либо в конце. В преамбуле к примечаниям будет сказано, почему не все переводы опубликованы. Мы, очевидно, будем исходить прежде всего из того, стали ли русскими стихами переводы. Не избежать, увы, при такой методе субъективизма. Но что поделаешь, другого, более плодотворного принципа нет.

Вы знаете, как много пишут и говорят, что Анна Андреевна могла подписать своим именем переводы, ей не принадлежащие. Теперь очень трудно установить, какие из переводов принадлежат А.Ахматовой на все сто процентов. Но в тех случаях, когда можно это сделать, надо в примечаниях привести соответствующие сведения. Но без полемики с теми, кто сомневается в авторстве переводов. Poleмика тут не нужна. Нужны факты. В примечаниях необходимо привести самые краткие сведения об авторе оригинала. С этого и надо начинать примечания к переводам того или иного поэта.

Мы с Вами, конечно же, встретимся (либо в Ереване, либо в Ленинграде) и вместе поработаем. Но для совместной работы примечания должны быть готовы. Я, например, считаю, что из двух стихотворений Сумитранандана Панта хорошо бы опубликовать одно «Песня золота», но и о другом («Два мальчугана») необходимо в примечаниях дать соответствующие сведения. От этого выиграет все издание. Не будем экономить на примечаниях. Кроме того, полнота примечаний как бы компенсирует возможную субъективность нашего с Вами отбора. Читатель сможет найти и прочитать переводы, не вошедшие в наш том, может либо согласиться с нами, либо поругать нас. Может быть и такое. Работа поручена нам ответственной, и главное – не опозориться.

Составляйте примечания. Вы можете, конечно, воспользоваться и уже существующими примечаниями (например, Н.Глен). В вводной части надо будет сказать о всех тех изданиях А.А.Ахматовой, в которых публиковались ее переводы.

Вот и все мои соображения. Я буду в отъезде до конца июня. А так все время – в Ереване (Егварде). Пишите мне. Всего Вам доброго».

В папке сохранен и машинописный черновой вариант «Слова от составителя», предваряющего «Примечания», и рукописный вариант составленных Мкртчяном примечаний к некоторым переводам. Эти документы дают представление о том, по какому принципу должна была быть составлена книга:

«ОТ СОСТАВИТЕЛЯ (Приводится с сокращениями – К. С.)

Борис Пастернак, как свидетельствует Зоя Масленникова, говорил ей в сентябре 1959 года: «Меня выдают за талантливое переводчика. Когда я это слышу, меня взрывает. Сейчас переводят очень много – переводят все, Ахматова переводит» («Нева», 1988, №10, с.141).

Целая плеяда талантливых русских писателей в 20-60-ые годы вынужденно «увлекалась» переводами. Трудно было писать свои собственные произведения, еще труднее было печататься, зарабатывать на жизнь. И чтобы жить, приходилось заниматься переводами. Анна Ахматова не раз говорила и писала, что переводить она не любит. И все-таки она перевела, по данным Э.В.Песоцкого, около тысяч строк (в тексте стоит прочерк – К.С.). Во вводной заметке к примечаниям известного однотомника Ахматовой в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1976) сказано: «По очень суммарным подсчетам различных публикаций и по данным рукописной библиографии (ГПБ) число поэтов, зарубежных и национальных, переведенных Ахматовой за последние годы ее жизни, превышает 60³. <...> Тем не менее включение их в настоящий сборник представлялось нецелесообразным: они создали бы неправильное впечатление о том, что переводная поэзия у Ахматовой, как у Жуковского, численно преобладает».

Но дело, очевидно, не в численном преобладании, а в том, что у Жуковского переводы столь же значительны, как и его оригинальные стихи, и порою трудно разграничить у него переводное от оригинального. Тогда как у Ахматовой ее собственные стихотворения, снискавшие ей славу великого русского поэта, как бы бросают тень на ее переводческую работу. По своему значению ее переводы не сравнимы с ее оригинальным творчеством. И вместе с тем (в том-то и парадокс) именно благодаря ее оригинальным стихам ее переводы приобретают особую ценность. Да, это переводы, но это переводы Анны Ахматовой. И интерес ко всему, что она делала, к чему прикасалась, к чему имела отношение (некоторые воспоминатели слишком уж акцентируют помощь, которую оказывали Ахматовой как переводчице), с годами не гаснет, а возрастает. Переводы А.А.Ахматовой издавались и издаются в многочисленных книгах переведенных ею

³ По замечанию Н.Н.Глен, в 50-60-ые годы Ахматова перевела – по большей части с помощью подстрочников – стихи почти ста пятидесяти поэтов с тридцати языков. См.: **Анна Ахматова**. Сочинения в двух томах, том второй, М., «Художественная литература», 1986, с.435.

поэтов, выходили и выходят отдельными изданиями».

Перечислив отдельные издания и назвав двухтомник (Анна Ахматова. Сочинения в двух томах, том II, М., «Худ. лит.», 1986), Мкртчян отмечает: «...часть тома (сс.260-364) составили переводы, подготовленные Н.Н.Глен» и от руки делает сноску: « Попрошу Э.В.Песоцкого проверить, не было ли второго издания этого двухтомника (к 100-летию). И еще, помнится, я где-то читал, что в Прибалтике вышла книжка переводов Ахматовой»⁴. И продолжает: «Следует также упомянуть отдельное издание писем Рубенса в переводе Ахматовой: Петр Павел Рубенс. Письма. Перевод А.А.Ахматовой. Редакция и предисловие А.М.Эфроса. М.-Л., “Academia”, 1933.

Стихотворные переводы А.А.Ахматовой в таком составе и объеме, как это сделано в настоящем томе, издаются впервые. Отбирая переводы, мы исходили из того, насколько интересны они как русские стихи, какова их эстетическая ценность. Есть переводы, так сказать, признанные, они многократно печатались в сборниках того или иного автора и все-таки не вошли в настоящий том. Есть ведь разница между книгой переводов, на обложке которой стоит имя Ахматовой, и книгой, на обложке которой стоит имя автора, которого Ахматова переводила.

В примечаниях, составленных Э.В.Песоцким, даются необходимые библиографические сведения о публикуемых здесь переводах, а также о переводах, не вошедших по тем или иным причинам в настоящий том.

Если перевод впервые был опубликован в периодике, то указывается источник, а затем первая публикация в книге переводимого автора.

В архиве Ахматовой <...> сохранились беловые и черновые рукописи целого ряда ее переводов. Э.В.Песоцкий проделал большую, кропотливую работу по изучению этих рукописей и по собиранию переводов Ахматовой.

В примечаниях Песоцкого отмечены варианты тех или иных строк и строф перевода по рукописям Ахматовой, а также по опубликованным текстам, содержащим сколько-нибудь существенные различия».

* * *

Одну из глав книжки «Анна Ахматова. Жизнь и переводы» (вся книжка разбита на главы) Мкртчян назвал «Мария Петровых». Рассказывая о дружбе Петровых с Ахматовой и о том, как Мария Сергеевна помогала Ахматовой в ее работе над переводами, Мкртчян приводит две небольшие цитаты из письма дочери Петровых Арины Головачевой, написанного ему в июне 1989 г. в ответ на его просьбу прислать свои воспоминания. Привожу письмо с незначительными купюрами:

«Дорогой Левон!

⁴ Мкртчян перечитал огромное количество книг, газетных и журнальных публикаций, имеющих отношение к Ахматовой и как к переводчику, и как к оригинальному поэту.

Прости, что не сразу тебе написала. Дело в том, что я много раз приступала к написанию этих нескольких строчек о переводах Ахматовой и каждый раз что-то меня парализовало. <...> Вообще я мало что могу существенного сказать о работе Анны Андреевны над переводами. Естественно, что переводы были для А.А. основным (а многие годы - единственным) средством к существованию. К переводам А.А. относилась как к трудной работе, не всегда очень увлекательной, но необходимой. Переводила она, по рассказам моей мамы, старательно, очень близко к тексту оригинала или подстрочника, не позволяя себе в этом никакой «свободы», поэтому работа шла порой тяжело и мучительно. И несмотря на то, что переводам она посвятила многие годы своей жизни, она все-таки, мне кажется, не стала профессиональным поэтом-переводчиком. Она была Поэтом, это было от Бога («Подумаешь, тоже работа, Беспечное это житье – Подслушать у музыки что-то И выдать шутя за свое»).

И мне думается, именно божественный ее талант, именно сильная поэтическая индивидуальность мешала ей совершать необходимое для поэтического перевода перевоплощение, без которого невозможна творческая свобода и творческая радость от этой работы. И все-таки иногда ей это удавалось, когда оригинал покорял ее своей прелестью, как это имело место, например, с корейскими переводами (по воспоминаниям Н.Н.Глен, А.А. ласково говорила: «мои корейцы»). А.А. получала маленькую пенсию (сначала 40 руб., потом 70) и, конечно же, очень нуждалась. Сдав в издательство очередную работу, она, по словам моей мамы, полагала, что деньги ей будут выплачены немедленно, и очень удивлялась, что вот уже прошло несколько месяцев, а денег все нет. Мама говорила об этом с юмором и одновременно с умилением: таким трогательным казалось это детски-нетерпеливое ожидание. Левон, страничку черновика я до отпуска (мы уезжаем 8-го июля) либо сфотографирую, либо ксерокопирую обязательно...»⁵.

Другое письмо А.Головачевой посвящено переводу стихотворения Юлиана Тувима «Эротика сирени» и датировано (дата по штемпелю) 16 июля 1990 г.. Приведя в письме свой подстрочный перевод, транскрипцию оригинала с проставленными ударениями и два варианта перевода, А.Головачева пишет:

«Дорогой Левон! Прости, что так задержала свое письмо и подстроч-

⁵ В письме от 9 июля 1991 г. (дата по штемпелю) А.Головачева пишет: «Дорогой Левон! Прости, что ввела тебя в заблуждение. Дело в том, что у меня действительно было даже 2 автографа переводов Елисаветы Багряны и И.Краско (впрочем, кажется, ее рукой написан только перевод Краско, а перевод Багряны напечатан на машинке и только подписан Ахматовой). Так вот, эти переводы я сдала до конца этого года в Фонтанный дом. Я думаю, если ты будешь в Леинграде и придешь в Фонтанный дом, то тебе там сделают и ксерокопию. Директора Фонтанного дома зовут Нина Ивановна Попова. Она очень милая и симпатичная женщина, ты ей скажи, для чего тебе это нужно, скажи, что я тоже присоединяюсь к твоей просьбе, и я уверена, что там для тебя все сделают».

ник. <...> За это время мы с Никой (Н.Н.Глен. – К.С.) сдали 2 маминих книги – в Ярославское кн.изд. и в Гослит.<...> Мне удалось достать польский текст стихотворения. Вот подстрочник <...> и латинка <...>. (Транскрипция, конечно, условная, просто хочется, чтобы ты воспринял звучание стихотворения <...>.)

Я сличила оба варианта перевода с оригиналом и между собой. Первоначальный вариант в чем-то более поэтичен, однако в нем в значительной степени утрачивается поэтика тувимовского стихотворения. В первых, удлиненные строчки с ломающимся размером <...> В оригинале эти врывающиеся длинные строки, эта ломка размера дают нам почувствовать ломку сирени и бьющееся, вырывающееся наружу сердце девушки.

Первый вариант поэтичен, гармоничен, но в нем отсутствует это ритмическое напряжение оригинала. Эта нежная гармония, безусловно, утрачивается во втором варианте, но читая его, чувствуешь, как колотится сердце, ритм неравномерен, как само срывание веток⁶.

Я не могу с определенностью сказать, как рождался второй вариант. Но не сомневаюсь, что в его появлении участвовала моя мама, с которой А.А. советовалась в переводческих делах. Мама сама читала тувимовские оригиналы, прибегала и к моей помощи. Она научилась читать по-польски и, обнаружив неточность (не в плане буквализма, а в плане более глубоком), могла дать А.А. какие-то советы.

Может быть, не все в этом втором варианте совершенно. Тебе не понравилось «насиленно мил не будешь». Может быть, и вправду не совсем удачно (хотя я не вижу здесь такого уж вопиющего русопятства). Но как передать в одной короткой строчке по-русски: «Что я могу сделать, если нет любви?» (в польском это звучит кратко)? В первом варианте этот момент утрачен вовсе, а он существен.

Прости, что сама лезу со своим анализом, ты мог бы при наличии подстрочника это с успехом сделать и без меня, но поскольку это связано с мамой, я не могла остаться безучастной. Очень боюсь, что опоздала со своим письмом. Но ты видишь, я не могла просто отделаться бесстрастным составлением подстрочника. Слишком все близко и дорого.

Перепечатаваю для тебя фрагмент из нашего раздела «Из письменного стола», который называется «О переводческой работе Ахматовой» <...>».

Осенью 1989 года Мкртчян получает очередное письмо на бланке редакции «Библиотеки поэта»:

«31 октября 1989 г. Дорогой Левон! В конце 1 квартала нам надо сдавать Ахматову, в том числе – ее переводы, которые ты великодушно согласился редактировать.

⁶ На листке со вторым вариантом (от руки) замечание Мкртчяна: «Автограф более отделан (на мой взгляд)».

Исходя из того, что полный объем переводов – 20 тысяч строк – мы дать ни технически, ни этически не сможем (он в 1,5 раза больше собственного творчества Анны Андреевны), отбор пойдет по двум критериям:

- 1). Доказанность принадлежности переводов ей;
- 2). Эстетическая высота текстов.

Исходя из предварительного рассмотрения, это примерно 12 тысяч строк. Эти «тысячи» нуждаются в отборе – в твоём высочайшем указании, причем не в очень отдаленные сроки. Когда ты сможешь к нам приехать? Это первый вопрос.

Второй: не можешь ли побеспокоить Р.К.Ованесяна, чтобы вспомнил о моем письме от 14.07.89 о конкурсе переводчиков по поводу «Несмолкающей колокольни» П.Севака?

Третий и многие другие вопросы очень хотелось бы задать при встрече. Обнимаю! Твой Ю.Андреев (Гл. редактор БП)».

Однако ни к концу 1 квартала, ни позже «сдавать Ахматову» не получалось. В первом пункте уже упоминавшегося протокола от 25 ноября 1988 года застенографировано обсуждение вопроса «О тяжелом положении, в котором оказывается «Библиотека поэта» при переходе на хозрасчет в связи с убыточным, как правило, изданием переводных томов...». Хотя дальше речь идет о переводных томах многонациональной советской литературы, как показало время, в новых условиях убыточным оказалось все книгоиздание. Желания и энтузиазма всех, кто был причастен к подготовке двухтомника Ахматовой, оказалось недостаточно для того, чтобы в условиях бушующей «перестройки» (а на самом деле набирающего обороты развала огромной страны) осуществить высокий и благородный замысел. Если бы даже Мкртчян успел до конца 1989 года подготовить свою часть работы, все равно из-за серьезных проблем «Библиотеки поэта» надежд на то, что книга увидит свет в назначенный срок, оставалось все меньше и меньше. Что касается Мкртчяна, активная гражданская позиция которого отнимала у него много времени, то с полной самоотдачей он смог включиться в работу только в феврале 1990 г., да и то в экстремальной ситуации.

В конце января 1990 г. в Москве состоялась двусторонняя встреча армянских и азербайджанских писателей. «Круглый стол» был организован редакцией журнала «Дружба народов». Организаторам «стола» искренне хотелось, чтобы переговоры представителей армянской и азербайджанской интеллигенции привели к прекращению кровопролития. В результате общения с азербайджанскими «гуманистами» 3 февраля 1990 г. Левон Мкртчян был госпитализирован с обширным инфарктом в московскую городскую больницу №7. После перевода из реанимации в простую палату

выстроился график его лечения и работы над предисловием⁷. В конце марта, после больницы, он был направлен на реабилитацию в подмосковный санаторий «Пушкино». Дальнейшая переписка ведется из санатория.

«3 апреля 1990, Пушкино

Дорогая Людмила Семеновна!

Посылаю Вам состав второго и третьего разделов сборника. Я старался не превысить предполагаемый объем сборника. Главное, разумеется, эстетическая значимость стихов-переводов. По возможности, я ориентировался на переводы, о которых мы знаем (свидетельства Ахматовой и мемуаристов), что это ее, Ахматовой, переводы. В сомнительных случаях (Леопарди, например) из 12 переводов я взял только лишь четыре.

Я имел в виду и «национальный вопрос» - никого не обидеть, не задеть национальные чувства. Может быть, потому у нас много Франко. Но, благо, это хорошие русские стихи.

Я не всегда включал в сборник переводы, автографы которых сохранились. Ахматова иногда переводила плохие стихи, чтобы самой не писать то, что она все-таки вынуждена была написать и опубликовать в «Огоньке» (1950, №36, 42).

Некоторые переводы («Газелла моей матери», например) даны в разных изданиях в разных редакциях. Поскольку Эрнест Викторович в своих примечаниях дает существенные разночтения по опубликованным текстам и даже сравнивает переводы с беловыми и черновыми автографами, если они сохранились, то здесь нет проблем. Проблемы в другом. Из двух опубликованных текстов той же «Газеллы моей матери» какой мы даем в основном разделе сборника?

Я думаю, что надо дать тот текст перевода, который публиковался в последний раз при жизни Ахматовой. А если перевод публиковался после ее смерти, то учитывать в основном разделе первую публикацию, как и в тех случаях, когда перевод печатался при жизни Ахматовой один раз.

Из переводов еврейских поэтов у Эрнеста Викторовича не отмечены три перевода Рахиль Баумволь и три перевода Л.Квитко...

Можно считать, что состав сборника у нас готов. Отдельные уточнения и изменения внесем в рабочем порядке. Мы с Вами всегда друг друга хорошо понимали⁸...

⁷ Соответственно выстроился и мой график: три дня в больнице, день – на отлет за материалами в Ереван (везти все сразу было нецелесообразно, поскольку только в процессе работы выяснялось, что именно в данный момент ему было нужно), два дня в Ереване на перепечатку на машинке того, что он от руки писал в свободное от лечебных процедур время, один день – на возвращение в Москву. Не могу не отметить здесь поддержку и действенную помощь его многочисленных московских друзей, обеспечивавших его всем необходимым, в том числе и нужными для работы книгами, которые тогда только-только стали появляться и которых в Ереване было не достать. Такими, как «Записки об Ахматовой» Лидии Чуковской, «Воспоминания» Н.Я.Мандельштам и др.

⁸ Л.С.Гейро была издательским редактором всех трех изданных Л.Мкртчяном в «Библиотеке поэта» книг: «Армянская средневековая лирика» (1972), «Поэты Армении» (1979), «Давид Сасунский» (1982). Это сотрудничество оба они оценивали очень высоко.

Срок моего пребывания в санатории «Пушкино» кончается. 12 апреля выезжаю в Ереван. Здесь мне давали и дают кучу всяких лекарств и прописывают ДХ с методисткой: 15 мин., затем 30 мин. И наконец 60 мин.

ДХ с методисткой – это всего лишь дозированная ходьба...

Юрию Андреевичу, Эрнесту Викторовичу, Вам и всем, кто меня помнит после инфаркта поклоны и поцелуи. Даст Бог, приеду в Ленинград и займемся ДХ. На целый час!!!

Ваш Л. М.»

«8 апреля 1990 г.

Дорогая Людмила Семеновна!

Посылаю Вам Ивана Франко в двух конвертах. Сербский эпос вышло уже из Егварда. Текст перепечатан, но остался в Егварде. Кроме перепечатанных «Свободных сонетов» и поэмы «Увядающие листья», Ахматова перевела еще два сонета Франко. Один из сонетов («Наука») вполне можно не печатать, а вот другой – «Две дороги», может быть, дать в самом начале, а затем уже «Свободные сонеты» и поэму. Посмотрите, пожалуйста, «Две дороги», перепечатанные на отдельном листке.

12 апреля вылетаю из Пушкино в Ереван. И буду писать Вам уже из Егварда. Теперь, как говорят врачи, я совершенно здоров. А если что и не так, то это от тоски по Армении. Еще бы не тосковать – выехал на три дня в конце января, а возвращаюсь в середине апреля.

Здесь, в санатории, много старых и не старых большевиков. Но есть и здравомыслящие люди. Они-то и потрясены и по достоинству оценили статью Гольданского (хорошо, что «Сов.Россия» перепечатала) и выступления Иванова по Ленинградскому ТВ, а также восхищены депутатами, новыми депутатами Ленсовета...

Сердечные приветы Юрию Андреевичу, Вам и всем добрым людям «Библиотеки поэта».

Работает ли Эрнест Викторович и нет ли у него никаких контрображений?

Ваш Л. М.»

М.А.Дудину: «11 апреля 1990 г. Дорогой Михаил Александрович!

<...>Начал я здесь, в Пушкино, тихо-тихо писать вступительную статью к переводам Ахматовой. В Егварде закончу (где-то через месяц). <...>

P.S. У вас в Ленинграде, говорят, вышел том об Ахматовой – статьи, воспоминания, письма. Нельзя ли для меня достать такой том? Л. М.»

В ответ Дудин прислал книгу «Об Анне Ахматовой. Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма» (Л., 1990) со своей дарственной надписью: «Дорогой мой друг Левон Мкртчян. Посылаю тебе книгу воспоминаний об Анне Андреевне Ахматовой и благодарю тебя за деятельную память о ее

судьбе. М. Д. (вензель) 12.IV.90⁹. Ленинград». В книгу вошло и два стихотворения Дудина: «Летят года...» и «Надпись на книге А.А.Ахматовой».

Л.С.Гейро: «17 апреля 1990 г. Егвард.

Дорогая Людмила Семеновна!

Телеграмму получил – спасибо¹⁰. Высылаю «Сербский эпос».

Я долго раздумывал, как расположить переводы. У Голенищева-Кутузова и Кравцова сербский эпос состоит из циклов. Но из переводов Ахматовой трудно составить полноценные циклы. Кроме того, то, что она перевела о королевиче Марко, односторонне представляет его образ, очень популярный в народе и занимающий в сербском эпосе значительное место. Поэтому «Сестру Леко-капитана» (561 строка) я решил не включать в наш сборник, так как эта вещь очень уж жестоким рисует королевича Марко. Красавице, отказавшей ему, он отрубил руку и выколол глаза – нам это не подходит.

Я разложил переводы Ахматовой (они сами так сложились) на циклы: «Песни любовные» и «Песни героические», а в примечаниях, почерпнутых у Кравцова и Голенищева-Кутузова, можно сказать, что та или иная песня имеет или не имеет прототипов, относится к косовскому циклу или ускокскому.

Сразу же надо отметить, что вила, ви́лы (слово встречается в переводах Ахматовой неоднократно) – это мифологические женские духи, очаровательные девушки с распущенными волосами и крыльями, одеты они в волшебные платья, и кто отнимал у них платье, тому они (совсем как в наши дни!) подчинялись.

Я, признаться, в чудесной песне «Смерть Смилянич Илии» вначале было по необразованности не понял, о чем речь:

Кто-то стонет в зарослях зеленых;
Это вила иль змея, быть может?
В рослых травах не змея, не вила,
Это стонет доблестный Смилянич...

Теперь уже можно подсчитать, сколько же у нее набралось строк? Я старался брать самое для такого солидного издания необходимое. Только, может быть, длинное стихотворение К.Хетагурова «Кто ты?» (260 строк) я включил из уважения к осетинскому классику. Но мы еще к этому вернемся, посоветуемся с Вами...

Сейчас я работаю над вступительной статьей.

Приветы Юрию Андреевичу, Эрнесту Викторовичу, Вам и Вашему дому».

Далее: «Егвард, 12 августа 1990 г.

⁹ Вряд ли М.Дудин получил письмо Мкртчяна на следующий же день после отправки, дата «12.IV.1990», видимо, указана им по ошибке.

¹⁰ В телеграмме от 13.04.1990 Л.С.Гейро сообщала о полученных ею материалах (см. письма Л.Мкртчяна от 3 и 8 апреля).

Дорогая Людмила Семеновна!

Вступительную статью к переводам А.А.Ахматовой закончил. И слава Богу. Работал много, потому что о многом надо было сказать. Самым главным для меня было сказать (так, чтобы мне поверили), что мы издаем переводы Ахматовой. Нельзя было обойти молчанием разговоры о том, будто Ахматова подписывала чужие переводы. На самом же деле Ахматова работала над своими переводами гораздо больше, чем это обычно делают переводчики. Она не хотела, чтобы печатали в ее книгах ее переводы, так как переводила наряду с великими китайскими поэтами поэтов ничтожных, переводила, чтобы откупиться и сохранить жизнь, не себе, а сыну... Впрочем, обо всем этом и многом другом сказано в статье.

Подзаголовок статьи («Жизнь и переводы» вместо обычного «Жизнь и творчество») верно, как мне думается, определяет направление, которое я нашел плодотворным и которого держался все время.

Получилась ли статья – судить не мне. Я благодарен Вам и всей Вашей редакции уже за то, что Вы дали мне возможность работать над очень интересной темой.

Я бы просил, чтобы статью прочел еще и Э.В.Песоцкий, на которого я ссылаюсь на 72 и 76 страницах. Замечания приму с благодарностью.

Если том переводов А.А.Ахматовой все-таки будем делать, то следовало бы еще раз хозяйским глазом взглянуть на состав тома. Надо добавить одно стихотворение Ли Бо. И, может быть, что-то из Рахиль Баумволь...

16 августа я уезжаю в санаторий «Пушкино» и буду там до 8 сентября.

В Ереване, как всюду на белом (теперь уже черном) свете, живется всем нам трудно.

Советская армия, которая во время погромов и резни опаздывает на два-три дня, требует к себе уважения и полнейшего ей подчинения. Все так бы и было, если бы армия не объявлялась в кровотокающих регионах, когда уже пролилась кровь, если бы можно было полагаться на армию...

Знаю, что и Вам в Ленинграде не легко. Здесь на сессии Верховного Совета Армении выступал знаменитый ленинградец Николай Иванов и говорил, что Ленинград временно называется Ленинградом. А я вспомнил, как много лет назад Мартирос Сарьян очень смутил молодых ленинградских художников, которые пришли к нему как к мэтру:

- Что значит, мы из Ленинграда? Вы что, не знаете, кто построил Петербург? Нева, памятник Фальконе... Постройте город и назовите его Ленинградом! Разве можно одного человека сажать на шею другому!.. Я недавно писал в Русский музей и писал не «Ленинград», а «Петербург»...

Юрию Андреевичу и Вам мои самые добрые пожелания.

Искренне Ваш Л. М.».

Написанную статью Мкртчян послал своему другу, известному советскому критику, литературоведу и теоретику художественного пере-

вода Павлу Топеру. И вот что пишет Топер в октябре 1990 года:

«Дорогой Левон.

Я тебя приветствую и сожалею, что ты не приехал на заседание Совета¹¹ (Пленум), а ведь собирался и обещал мне. <...> На Пленуме, правда, было не слишком интересно (приехало очень мало народу), но все же, пожалуй, интереснее (содержательнее), чем обычно, а главное, обсуждался вопрос о создании Ассоциации переводчиков. Но еще главнее, что я хотел вернуть тебе рукопись об Ахматовой-переводчице и сказать, что рукопись очень хороша, и сочинял ты ее так долго не зря. Как говорится – замечаний нет, и не надо портить. Ахматовская судьба очень видна, и переводы не отдельно, а часть судьбы, очень много нового. Отдельные мелочи-тонкости я покажу, когда увидимся, может быть, тебе пригодится. Но, повторяю, нечего портить. Если бы добавлять – можно было бы побольше сказать о мастерстве Ахматовой-переводчицы (как у Эйдлина: «Когда поэт переводит...» - в смысле «Поэт»), но, повторяю еще раз, нечего портить».

В конце июля 1991 года Л.С.Гейро сообщила Мкртчяну:

«24 июля 1991 г.

Дорогой Левон Мкртычевич!

Посылаю Вам небольшую справку, сделанную по моей просьбе Э.В.Песоцким. В ней Вы увидите описание (машинопись, авторизованная машинопись, автограф и т.п.) известных ему архивных материалов. Свод вариантов у него имеется только в одном экземпляре, и он боится доверять его почте. В случае, если Вы окажетесь в Ленинграде, Песоцкий готов Вам их предоставить. Кроме того, он просит ответить на вопрос относительно перевода из Исаакяна и То Хью. (См. отдельную страницу).

Более новостей, к сожалению (или к счастью?) нет. От всей души желаю Вам здоровья, общего благополучия. Привет всем друзьям. Ваша Л.Гейро».

В ответном письме, хотя и деловом и касающемся конкретных переводов из Исаакяна и вьетнамского поэта То Хью, Мкртчян впервые озвучивает мучившее его сомнение по поводу того, что двухтомник будет издан:

«4 сентября 1991. Егвард.

Дорогая Людмила Семеновна! Пока мы пишем друг другу письма, происходят события, меняющие (искажающие) лицо мира и страны, на этот раз, слава Богу, хунта не прошла. И не потому, что сильна в нашей большой и нищей стране демократия, а потому что советские путчисты были сверхкретинами и сверхидиотами. Горабчев специально подбирал таких дураков. Это его чуть было не погубило, но это его и спасло...

Спасибо Вам и Э.В.Песоцкому за справку о переводах Ахматовой. Интересующее Песоцкого стихотворение Аветика Исаакяна «Сон» написано в 1916 году. На армянском языке впервые было опубликовано в 1939

¹¹ Совет по художественному переводу при СП СССР.

году. На русском языке («Отняла родного сына чужбина...», перевод А.Яшина) – в сборнике: А.Исаакян. Избранное. Ереван, 1952, с.77. И в том же 52 году («Любимый сын покинул край родной...», перевод Э.Александровой) – А.Исаакян. Избранные произведения, М., 1952, с.106. Перевод Ахматовой, насколько мне известно, не был опубликован. Я этим специально не занимался, но уверен, что этот ее перевод потому и не был опубликован, что ПО СОДЕРЖАНИЮ очень уж ахматовское стихотворение, почти автобиографическое:

...стали отца, грустя, вспоминать.

(В оригинале: Плакали, вспоминая умершего отца.)

...А сын, ее сын, ее сын дорогой

Закованный в цепи, снова в тюрьме.

(В оригинале: А сын, сын горячо любимый

Снова в тюрьме закован в цепи...).

Песоцкий может опубликовать перевод Ахматовой. В случае, если я использую этот перевод в своей статье, то, само собой понятно, сошлюсь на Песоцкого.

Перевод Ахматовой стихотворения То Хыу (полный текст с указанием источника) прилагаю к письму и прошу передать Песоцкому¹².

Нельзя ли узнать, насколько реально издание двухтомника (вернее, тома переводов) Анны Ахматовой в «Библиотеке поэта». Если это дело гиблое, то я бы стал думать-искать другие пути-дороги. Дело-то сделано. И сделано вроде бы неплохо.

Привет и поздравления с падением хунты Ю.А.Андрееву. Э.В.Песоцкому – творческих успехов. Всего Вам доброго».

Судя по всему, после этого письма Мкртчяну стало понятно, что издание двухтомника нереально и, убедившись, что это, как он сам выразился, «дело гиблое», начал «думать-искать другие пути-дороги». В результате чего на свет появилось уникальное издание «Анна Ахматова. Жизнь и переводы». Хотя тираж книжки исчислялся 115 экземплярами, этого количества оказалось достаточно, чтобы все, кто получил ее, отреагировал хвалебными откликами и письмами.

Заслуживает внимания письмо Елены Николаевской, написанное в октябре 1992 г.: «Милые мои, любимые мои Левон и Каринэ! Вы не можете представить, какую радость подарили мне, прислав дивную, неподражаемую, впрямь неповторимую, рукотворную, собственноручную книгу, созданную от начала до конца в вашем доме, который я так люблю...

В наше, как принято говорить, «странное», «смутное», «непростое» время, на самом деле – тревожное, трагичное, хаотичное (опускаю остальные эпитеты, которые все справедливы...) вдруг понимаешь, убеждаешься,

¹² К письму приложена машинопись стихотворения То Хыу «Льом» в переводе А.А.Ахматовой с указанием выходных данных: «Стихи поэтов Вьетнама», ГИХЛ, Москва, 1955, с.207-209.

что не все потеряно, есть истинный свет, добро, красота, постоянство, одержимость своим призванием, желанием (осуществляйте!) творить вечные ценности, создавать прекрасное, стремиться к гармонии, к ладу – и не впадать в меланхолию, ни в тем более – отчаяние, не утрачивая при этом ни чувства реальности, ни чувства локтя, ни чувства юмора.

<...> Но зато я явно утратила чувство меры, пытаюсь выразить сумбур чувств, охвативших меня – нежность и восторг!!! У-уф!.. Переведу дыхание... И еще, по существу: я ведь не только восторгалась (и восторгаюсь) шедевром полиграфии и искрометного таланта автора... Я книгу еще и прочла – прочла, не отрываясь... Книга захватывает: глубинное, серьезнейшее исследование ученого – и при этом необычайно живая, трепетная, грустная история жизни – судьба, повседневность, трагизм, вынужденность обращения к переводам... Каждодневная тяжелая работа и сотворение – преображение высокой классики древности в русских стихах... Как интересно вместе с тобой войти в лабораторию Анны Андреевны! Обратит внимание на черновые варианты, первоначальные и окончательные редакции, на поправки, на поиски ритма, интонации, на отделки... Как точно ты обнаруживаешь неуловимые нюансы, тонкости работы над поэтическим переводом!.. Вот выписываю: «Правились эти строки как русские стихи, как бы безотносительно к оригиналу, то есть преодолевался диктат оригинала»...

Умолкаю - ибо забалтываюсь... Спасибо сердечное за доставленную радость!..

На днях после летнего затишья собирались в «Доме Ростовых на Поварской» (так называют нынче бывш.СП), обсуждали все то же: дележка имущества и средств, состояние Литфонда, хаос в «Советском писателе», «Согласительная комиссия» пока что ничегошеньки не сделала, но наше дело правое, надеемся на лучшие времена... А они, верю, наступят, когда каждый станет заниматься своим делом (это из индийской мудрости, услышанной давным-давно от тебя...). А ты занимаешься своим делом! И свидетельство тому (возвращаюсь к началу письма) – помимо других свидетельств – книга «Анна Ахматова. Жизнь и переводы».

17 декабря 1992 г. газета «Голос Армении» опубликовала письмо Лидии Чуковской Левону Мкртчяну. В письме, в частности, говорилось: «Спасибо за книгу, спасибо, что прислали мне, а главное, что написали... Ваша работа создана на большой глубине, с большой широтой, на обширном материале, и о сложнейшем говорится просто. Для меня совсем новы были аналоги переводных стихов с «Реквиемом». В запутаннейший вопрос о том, кто переводил вместе с Ахматовой, вместо Ахматовой – Вы вносите полную ясность».

В своей рецензии, опубликованной в №7 за 1993 год журнала «Нева» петербургский критик и литературовед Наталья Банк писала: «Моногра-

фия Л.Мкртчяна появилась в особых условиях. Ахматовское «Из-под каких развалин говорю» применимо ныне к писателю Армении, где вот уже два года не издаются книги. Зимой, когда неотопливаемый Ереванский университет закрыт на вынужденные «каникулы», профессор Мкртчян работает при керосиновой лампе у себя дома в поселке Егвард. С наступлением тепла и подачи электричества сам набирает текст, делает оформление на компьютере, печатает тираж на ксероксе. Его первая самиздатовская книжка, посвященная другу Армении, - «Для человека ход времен печален. Штрихи к портрету Михаила Дудина» (тираж 50 экземпляров). Книга о переводах Ахматовой – вторая. Эти книги не продаются, они передаются из рук в руки. Они бесценны как документы высокой духовной жизни нашего трудного времени».

Сюда же напрашивается еще один отклик: киевского литературоведа, энтузиаста-исследователя творчества Ахматовой Евдокии Мироновны Ольшанской:

«Была у нас с Левонем Мкртычевичем одна общая любовь: Анна Ахматова. Всю свою сознательную жизнь я изучала ее творчество, собирала о ней материалы, читала лекции, проводила Ахматовские чтения и вечера, публиковала статьи. Левон Мкртчян мне рассказывал в письме, что в 90-е годы «Библиотека поэта» собиралась издать сочинения Анны Ахматовой в двух томах: один том – ее собственные стихи, а второй – переводы. И к этому тому его попросили написать вступительную статью. Он очень обрадовался и стал серьезно работать над статьей. Но оказалось, что издательство решило ограничиться одним томом... Так и лежит законченная работа, и он уже не надеется напечатать ее. Я выразила свое огорчение, что не смогу даже познакомиться с этой работой, что столько людей будет лишено такой возможности. И вдруг приходит бандероль, в которой находится 5 экземпляров книги Левона Мкртчяна «Анна Ахматова. Жизнь и переводы». Егвард, 1992. На одном экземпляре была надпись: «Евдокии Мироновне Ольшанской, другу Анны Ахматовой, автору обязывающих меня ко многому стихов:

Почтительные строгие доценты!
Пожалуйста, поосторожней с тем,
Что было болью, а не грудом тем:
Страдания ее не обесценьте!..

Левон Мкртчян, 1992, август, Егвард».

Остальные 4 экземпляра были посланы для моих друзей-ахматовцев.

Книга оказалась написанной глубоко и увлекательно, в ней были интересные наблюдения автора. Набрана она была самим автором на компьютере, им же прекрасно оформлена и издана. Радость от этого подарка я испытала огромную. Благодаря Левону Мкртчяна, я выразила удивление, что он назвал меня «другом Ахматовой»: ведь мы с ней даже никогда не виделись! На это он отвечал в письме, что я больше других имею право счи-

таться другом Анны Ахматовой, потому что дружба – это действие.

Еще я пошутила по поводу того, что он отнес к себе мое ироническое обращение к «доцентам» в «Венке сонетов», напомнив, что он ведь не доцент, а профессор...

Он попросил меня прислать что-нибудь из моих литературоведческих работ об Анне Ахматовой. Я послала отгиск статьи, опубликованной в журнале «Russian Literature» (Амстердам).

В ответ пришло письмо, которое привожу полностью:

«Егвард, 3 апреля 1993 г.

Дорогая Евдокия Мироновна!

Письмо Ваше и Вашу замечательную статью «Анна Ахматова и Арсений Тарковский», слава Богу, получил. Письма ведь не идут ни в Ереван, ни из Еревана. Иногда что-то доходит.

Сейчас один из моих друзей вылетает в Москву, где и опустит это мое письмо.

Об Ахматовой и Тарковском Вы написали хорошо, доказательно и с Вашим личным добрым отношением к героям статьи. А то ведь теперь как пишут? Все больше заумно, с модными терминами. Все больше хотят одурманить читателя...

Посылаю Вам своего Самойлова (машинопись)¹³.

Знаю, что и Вам в Киеве теперь нелегко. Времена теперь жуткие. Но что поделаешь? <...> Как сказал Тарковский (я) с ним дружил, потом мы рассорились, помирились, но дружбы уже не было, до самой смерти мы бессмертны. С этой мыслью о нашем бессмертии и будем жить. Ваш Левон Мкртчян»¹⁴.

В мае 1993 года Мкртчян был приглашен в Нью-Йорк на международный симпозиум по «Книге скорби» Григора Нарекаци. Зная, что он там встретится со своим другом Александром Межировым, за несколько лет до этого эмигрировавшим в США, Мкртчян взял с собой несколько экземпляров книжки. Межиров по достоинству оценил работу Мкртчяна и предложил ему отдать ее для перепечатки в эмигрантский журнал «Слово - Word». И сам же препроводил его в редакцию. Книжку у него взяли, что называется, «на ура» и даже заплатили баснословный для Армении того времени гонорар – целых 200 долларов¹⁵. Выйдя из редакции Межиров стал выговаривать Мкртчяну свое недовольство по поводу того, что он

¹³ Статья Л.Мкртчяна о Давиде Самойлове «Ты, Давид, ядовит». Опубликовано в газете «Урарту». 1996, февр., 36, с.12. В дальнейшем название было изменено «Веселый Самойлов», и статья включена в кн.Л.Мкртчяна «Слепой, но не настолько». Ереван, 1998г.

¹⁴ **Евдокия Ольшанская.** Несколько штрихов к портрету. В кн.: «Пусть не гаснет свет в окне Левона...». Ер., изд. РАУ, 2004, с.62-64.

¹⁵ 12 января 1994 года в письме Павлу Топеру Мкртчян писал: «...Что касается нашей жизни, то в Армении в целом жизнь и голодная, и холодная. Но нам с Каринэ грех жаловаться. В Нью-Йорке я толкнул за 200 долларов свою Ахматову журналу «Слово» (устроил Межиров) и купил здесь за 180 долларов машину дров. Нам в деревне тепло, а это самое главное...».

отдал работу не торгуясь: «За такой раритет мог бы и тысячу затребо-
вать»¹⁶, потом предложил отнести один экземпляр в Публичную библио-
теку Нью-Йорка. Из любопытства решили запросить каталог библиотеки,
с тем чтобы выяснить, нет ли там других книг Мкртчяна. Компьютер вы-
дал список из 11 собственных его книг и 13 книг, в которых он выступает
в качестве составителя, автора предисловий и примечаний. Обрадованный
Межиров стал уговаривать Мкртчяна обратиться за получением green card:
оказывается, правом получить вожделенное для очень и очень многих
разрешение обладает любой, у кого в этой библиотеке есть хоть одна кни-
га. Своим законным правом Мкртчян воспользоваться не захотел: для себя
эмиграцию он считал невозможной. И каждый раз, когда при нем заходил
разговор об этом, говорил: «В эмиграции человеку должно не хватать да-
же тех плохих людей, общения с которыми он избегает на родине».

Ключевые слова: Ахматова, Мкртчян, «Библиотека поэта», переписка, авторское издание, архивные материалы

ԿԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Լևոն Մկրտչյանի արխիվից (Լևոն Մկրտչյանի «Աննա Ախմատովա. կյանքն ու թարգմանությունները» աշխատասիրությունը) – ԵՊՀ պրոֆեսոր, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս Լ. Մ. Մկրտչյանի (1933-2001) արխիվում պահպանվել են բազմաթիվ արժեքավոր նյութեր, որոնք կարող են լուսաբանել XX երկրորդ կեսի հայ-ռուսական գրական կապերը: Դրանց մեջ ուշադրություն է գրավում «Ախմատովայի մասին» խորագրով թղթապանակը: Այս թեմայով աշխատանքը Լևոն Մկրտչյանը սկսել է 1980-ականների վերջին, երբ նրան՝ որպես կազմողի և նախաբանի հեղինակի առաջարկվել է պատրաստել Աննա Ախմատովայի երկհատորյակի վերջին հատորը (թարգմանություններ), որը նախատեսված էր հրատարակել «Բանաստեղծի գրադարան» մատենաշարով (Լենինգրադի մասնաճյուղ): 1980-90-ական թթ. գրահրատարակչական ճգնաժամի պատճառով այդ մտահղացումը կյանքի չկոչվեց: Սակայն Լևոն Մկրտչյանի կատարած աշխատանքը դարձավ հեղինակային հրատարակություն՝ հիմնված գրքույկի (1992) նախաբանի վրա: Մույն հոդվածում հրապարակվող արխիվային նյութերը արտացոլում են Լևոն Մկրտչյանի «Ախմատովայի մասին» աշխատասիրության իրականացման ընթացքը, պայմանները, մակարդակն ու գնահատականը:

Բանալի բառեր – *Ախմատովա, Մկրտչյան, «Պոետի գրադարան», նամակագրություն, հեղինակային հրատարակություն, արխիվային նյութեր*

KARINE SAHAKYANC – From the archives of Levon Mkrtchyan (Levon Mkrtchyan's work on the book "Anna Akhmatova. Life and Translations"). – The archive of Professor of Yerevan State University, Academician at the National Acad-

¹⁶ Статья была опубликована в №15 журнала-газеты «Слово - Word» за 1993 год (с.101-123).

emy of Sciences of the Republic of Armenia L. M. Mkrtchyan (1933-2001) preserves a large amount of materials valuable for the illustration of the Armenian-Russian literary connections in the second half of the XX century. A folder stands out among these materials, titled "Work on Akhmatova". This work started at the end of 1980s, when L. Mkrtchyan was offered to compile and write an introduction to the second volume (Translations) of the two-volume edition of A. Akhmatova's works, planned to be published in the frames of the well known series "Poet's Library" (Leningrad Branch). Due to the crisis in book edition on the edge of the 80-s and 90-s, the plan of "Poet's Library" was not fulfilled. Nevertheless, the work carried out by L. Mkrtchyan appeared in the author's edition of a small book, developed from the introduction (1992). The archive materials, published in the present article, reflect the process, conditions, level and evaluation of the "work on Akhmatova" by L. Mkrtchyan.

Key Words: *Akhmatova, Mkrtchyan, "Poet's Library", correspondence, author's edition, archives materials*